

Миранде

ИДИОТЫ

Когда фея пришла к Максусу, а дело было теплым весенним вечером в Берлине, он сидел перед «Рикос спортек», пил пиво и думал: вся сложность с идиотами в том, что они слишком идиоты, чтобы осознать свой идиотизм. Через час он должен был ужинать с Ронни, и если он наконец-то не скажет Ронни о мнении сотрудников, то кто же это делает? А мнение было единодушным: в последнее время Ронни не только совершенно неприлично вел себя с большинством служащих, но если он и дальше собирается руководить агентством так же, как в предыдущие месяцы, то оставит их всех без работы. Как раз сегодня он снова позволил себе две вещи: вначале не разрешил Нине поехать с ее новым другом в отпуск (а билеты были уже заказаны и оплачены), объяснив это тем, что во время предстоящей кампании ему якобы обязательно нужно ее присутствие, в противном случае она может увольняться. А после этого разослал в га-

зеты сообщение, что рекламному агентству «Гудризонз» удалось заполучить нового постоянного сотрудника — всемирно известного фотографа Элиота Барнеса, хотя пока с Барнесом состоялось только несколько ни к чему не обязывающих разговоров. Не прошло и трех часов, как позвонила агент Барнеса и сообщила, что впредь до особых указаний любое сотрудничество исключено. Макс — а именно ему в подобных случаях Ронни поручал роль пожарного — всю вторую половину дня беседовал по телефону с сотрудниками Барнеса, с агентом Барнеса, наконец, с самим Барнесом, снова и снова объясняя, что это сообщение на собственный страх и риск написал некий практикант и восторженный фанат фотографий Барнеса, очевидно, в приступе слегка безумной подмены действительного желаемым. За исключением самого Барнеса, которому восторженный фанат его работ казался вполне понятной причиной для чего угодно, все остальные давали понять, что, во-первых, история с практикантом не вызывает особого доверия, а во-вторых, наверно, что-то есть во всех этих сплетнях, будто бы «Гудризонз» со времени выхода на биржу постоянно размещает в прессе всякую полуправду об огромных заказах и заключенных договорах, чтобы поддержать настроение акционеров.

Макс покачал головой. Грандиозная акция! И почему Ронни решил, что такая глупость ему поможет?

Когда восемь лет тому назад Ронни вместе с Максом — первым служащим и тогда еще более или менее равноправным партнером — основали «Гуд ризонз», они носились с идеей рекламировать исключительно продукты и организации, которые, по их мнению, служили на благо мира и человечества: «Международную амнистию», «Хлеб для всех», «Гринпис», кофе непосредственно из стран-производителей, биопродукты, антирасистские кампании, некоммерческие предприятия. Но, несмотря на огромное количество саморекламы и объявлений в газетах, в первое время ни «Гринпис», ни страны — производители кофе, ни кто-либо другой, хоть сколько-то значимый и финансово привлекательный, не интересовались их агентством, разве что несколько фермеров из Бранденбурга, выращивавших яблоки, да голландская мастерская из Кройцберга, ремонтировавшая велосипеды. Спустя год, в течение которого они, так и не сумев уговорить своих заказчиков на что-то большее, занимались только тем, что, как выражался Ронни, «печатали дурацкие солнечные восходы с наркоманскими текстами, нацарапанными от руки, на чем-то вроде туалетной бумаги формата А4», они решили вре-

менно поработать и для фирм, чьи продукты, может быть, и не так полезны миру. Вначале ювелирный магазин на Курфюрстендамм, потом — парочка модных бутиков и, наконец, — Интернет-фирма, продающая мебель из экзотических сортов дерева. Поначалу из-за этой фирмы было много споров, ведь в конечном счете философия «Гуд ризонз» плохо монтировалась с представлением о вырубленных тропических лесах. Но агентство находилось на грани банкротства, а мебельная фирма планировала рекламную кампанию по всей Германии.

Так оно и пошло, одно за другим. Кампания мебельной фирмы принесла большой успех, и другие фирмы стали заказывать «Гуд ризонз» рекламу йогуртов, шампанского, мобильных телефонов, мужских костюмов. Когда через год они получили заказ от автомобильного концерна, о котором было известно, что большую часть своих денег он зарабатывает на танках, некоторое сомнение длилось не больше одного дня, а потом в потолок полетели пробки от шампанского. Спустя четыре года «Гуд ризонз» относилось к трем—пяти самым сильным и прибыльным рекламным агентствам Германии. К этому времени Ронни давно уже был шефом, а Макс — всего лишь его послушной правой рукой. Поэтому и

попытки Макса отговорить Ронни от выхода на биржу были весьма слабыми.

— Макс, старик, мы тут вкалываем уже годы до умопомрачения, как последние дураки, а что мы имеем? У тебя есть вилла на озере? У меня есть вилла на озере? Сейчас дела идут лучше, чем когда-либо, и у нас появился уникальный шанс сделать настоящие деньги.

— А если нам не повезет?

— Ну, ты в своем репертуаре! Если бы все было по-твоему, мы бы до сих пор рекламировали гнилые яблоки для каких-нибудь хиппи. Мир ждет нас, вот что ты должен чувствовать.

— Я чувствую только, что сейчас несколько фирм постоянно обеспечивают нас заказами.

— И как ты думаешь, что они сделают, когда мы выйдем со своими акциями на биржу? Они купят акции «Гуд ризонз» и подкинут нам в два раза больше заказов.

— Может быть.

— Ох, Макс! Макс, Макс, Макс — малыш Макс. Что бы ты без меня делал!

— Хм. Кстати, если помнишь, все еще существуют старые документы об учреждении «Гуд ризонз». Я не думаю, что ты собираешься подать их для регистрации на бирже.

— А, ерунда. Их надо просто выбросить.